

А.И. Неклесса

Итак, еще раз напомним тему сегодняшнего заседания — «*Цивилизационные активы и цивилизационные рамки российской национальной политики*». Естественно, она предполагает более широкий контекст, нежели формат — также весьма обширный — доклада, который мы только что выслушали. Однако, учитывая регламент семинара, призываю выступающих к конкретности в смысле четкого обозначения своих основных тезисов, чтобы все могли содержательно высказаться, уложившись при этом в рабочее время.

Общественное сознание сломать «через колено» невозможно

А.А. Галкин, доктор исторических наук

Я внимательно выслушал доклад. Он был мне интересен в том числе и потому, что отражает точку зрения, с которой я в принципе не согласен. Это, разумеется, не означает, что я отрицаю значимость доклада, знания и интеллект докладчика. У него есть позиция, хотя, как мне кажется, не лишенная серьезных противоречий. Но главное не в этом. Главное в том, что трактовка им проблемы настолько мне чужда, что исключает любые точки соприкосновения. Это, естественно, затрудняет содержательный обмен мнениями. Мы как бы говорим на разных языках. Поэто-



му я не буду спорить с докладчиком по отдельным, частным вопросам и ограничусь изложением своих позиций по ряду проблем, поставленных в докладе.

Российское общество переживает глубокую трансформацию. За два десятилетия изменился весь уклад жизни, разрушены многие казавшиеся незыблемыми стереотипы индивидуального и группового сознания и поведения. Впереди — неизведанное будущее. Еще неясно, каким оно станет. На каждом шагу — тяжелые последствия перемен и потрясений, отсутствие гражданского согласия и солидарности. Решение обусловленных этим задач усложняется тем, что внутренняя реформация сочетается с процессами глобализации мира, порождая эффект «двойной трансформации». А теперь на все это накладываются негативные последствия углубляющегося мирового кризиса

В этой обстановке Россия особенно нуждается в осмыслении собственного и мирового опыта, в осознанном выборе пути к национально-государственному возрождению, в определении своего места в мировом сообществе.

Российскому обществу предлагают сейчас различные проекты развития. Одни исходят из того, что исторический выбор уже сделан: определены основы общественного строя, четко очерчены цели движения, выработан необходимый инструментарий, обеспечивающий реализацию этих целей. Поэтому задачи, стоящие перед обществом, сводятся лишь к тому, чтобы ликвидировать частные недоработки и коллизии, неизбежно возникающие по мере позитивного развития.

Другие проекты основаны на абсолютно негативной оценке перемен, происходивших в стране, начиная со времен перестройки. Их основной смысл — попытаться повернуть ход событий вспять или, по меньшей мере, начать все с чистого листа. Крайней формой такого подхода к оценке ситуации, сложившейся в России, является представление, согласно которому страна, вне зависимости от нынешних усилий, упустила свой последний исторический шанс выйти

на путь, достойный великой державы, и поэтому обречена на постепенное увядание, на гниение и, в конечном счете, на распад и гибель.

Обе эти крайности представляются необоснованными. В действительности российское общество — живой, полный неистраченной энергии организм, хотя и не нашедший, но неизменно ищущий нетривиального решения проблем, стоящих перед страной в новом, XXI веке. Эти поиски будут тем более эффективными, чем ближе к действительности будет осмысление ее идентичности, определяемой не только нынешним положением дел, но и опытом, уходящим в далекое прошлое. Налицо острая потребность в историческом, научно обоснованном подходе, способном вдохновить и консолидировать живые силы общества.

Подобная потребность неизбежно выводит на проблему цивилизаций, рассматриваемых не как характеристика определенного уровня на шкале поступательного развития человечества, но как реально существующая форма членения мирового сообщества, в основе которой лежит специфика массового сознания, определяющего бытовое и общественное поведение людей. Будучи продуктом индивидуального и группового опыта, накопленного столетиями, оно представляет собой своеобразную квазифизическую субстанцию со свойствами, которыми обычно обладают физические тела: сложной структурой, упругостью и инерционностью.

Глубоко ошибаются как те, кто считает массовое общественное сознание инвариантом, так и те, кто рассматривают его чем-то вроде пластилина, из которого можно, по своему усмотрению, вылепить любую фигуру. Как продукт исторического опыта оно, пусть с замедлением, но впитывает новую информацию, перерабатывая ее в соответствии со сложившимися канонами. Вместе с тем, оно активно сопротивляется любым попыткам грубого внешнего вмешательства. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее давление, тем

мощнее отдача. Игнорировать — значит обречь на неудачу любые, в том числе разумные планы.

Подобно иным формам реального бытия, цивилизации, в основе которых лежит массовое общественное сознание, имеют свой, своеобразный жизненный цикл: они возникают, зреют, расширяются, впитывают новые элементы, членятся и, в конечном счете, уходят в небытие. Отсюда такие хорошо известные исследователям феномены, как наличие мертвых, дряхлеющих и молодых цивилизаций, их слияние и распад на составные части, появление суб — и суперцивилизаций.

Весьма показательна с этой точки зрения судьба той цивилизации, которую принято называть европейской. Исторически она сложилась в результате слияния трех исходных протоцивилизаций: греческо-восточносредиземноморской, романской и гото-германской.

Процесс такого слияния был крайне сложным и продолжался на протяжении столетий. В наибольшей степени слились романская и гото-германская (впоследствии англо-саксонская) цивилизации. При этом вплоть до XX в. были основания различать ее романскую и англо-саксонскую ветви.

Сложнее обстояло дело с греческо-восточносредиземноморской (Византийской) цивилизацией. Ее обособлению в значительной степени способствовал раскол европейской христианской церкви на латинское и православное крылья. Впоследствии влияние ныне мертвой византийской цивилизации сыграло заметную роль в формировании российской и балканской субцивилизаций. Длительное соседство и, соответственно, сосуществование с протоевропейской, а затем и со сложившейся европейской цивилизацией, в большой степени сказалось на общественном сознании народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Оно впитало многие установки и ценности, характерные для европейской цивилизации, сохранив во многом свою идентичность.

В гораздо большей степени динамичность, свойственная тому, что стало называться европейской цивилизацией,

проявилась в ее экспансии, направленной на осваиваемые европейскими колонистами территории, расположенные за пределами Европы — прежде всего, на Североамериканский континент и Австралию. В результате этой экспансии европейская цивилизация потеряла свою первоначальную территориальную привязку и превратилась в своеобразный межконтинентальный феномен. Неслучайно в настоящее время для ее именованья нередко используется другое, тоже не очень точное прилагательное — «западная» цивилизация.

В условиях глобализации, которая все в большей степени определяет ныне различные сферы миропорядка, европейская (западная) цивилизация все активнее вторгается в домены соседних цивилизаций, оказывая разрушительное воздействие на их важнейшие системообразующие элементы — традиции, сложившийся образ жизни, конфессиональные, культурные и лингвистические основы. У этой динамики есть свои составляющие — как объективные, так и субъективные. Первые представляют собой непосредственные производные от глобализации и стимулируются самим процессом мирового развития в сферах производства, движения капитала, рабочей силы и т. д. Вторые порождены стремлением претендующих на геополитические приобретения держав использовать глобализацию в своих сугубо эгоистических интересах.

Было бы неверным отрицать, что воздействие европейской (западной) цивилизационной модели на иные цивилизации в ряде случаев не лишено позитивного содержания. Однако связанное с ним разрушение, идущее извне и пытающееся подменить естественное отмирание устаревших подсистем и элементов, не может не восприниматься как враждебные действия, призванные лишить затрагиваемые ими народы их исконной идентичности. А это, в свою очередь, создает дополнительный взрывчатый потенциал, весьма опасный для и без того нестабильного современного мира.

Существует, однако, и другая сторона проблемы взаимодействия цивилизаций.

Крайне опасное последствие глобализации — возникновение нового межцивилизационного противоречия в результате небывалого по масштабам всплеска иммиграционных потоков в зону «золотого миллиарда». Иммиграция стала выходить далеко за регулируемые пределы. В ряде случаев ее масштабы существенно превосходили реальные возможности соответствующих стран. Объектами притяжения нелегальных иммигрантов стали практически все европейские государства — как давние импортеры, так и недавние экспортеры рабочей силы.

Попытки ограничить иммиграционные потоки, предпринимаемые ныне в некоторых странах, привели лишь к резкому увеличению нелегальной иммиграции. Сейчас нелегальный поток иммигрантов по количественным показателям вполне сопоставим со всеми остальными видами миграции вместе взятыми.

Проблема, однако, не исчерпывается ростом количественных показателей. Еще большее значение приобрело то, что проблема иммиграции стала со все большей очевидностью превращаться в проблему воздействия неевропейских цивилизаций на европейскую (западную).

В последней трети XX в. в потоке новых иммигрантов существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, принесших с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующиеся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей подавляющего большинства коренного населения развитых стран.

Возникшие трудности в значительной мере обострились благодаря тому, что среди иммигрантов-мусульман широко представлены выходцы из сельской глубинки, непривычные к городской жизни, не имеющие даже первичного образования и примитивной профессиональной подготовки. Это, с одной стороны, существенно затруднило их адаптацию к

новым условиям жизни, а, с другой, возвело дополнительные барьеры для их использования даже на не очень квалифицированной работе. Тем самым, возникли дополнительные условия для постоянного пребывания этой категории лиц на социальном дне общества.

Все это существенно воздействует на культурно-цивилизационную и общественно-политическую ориентацию новых иммигрантов. В отличие от своих предшественников, они в большинстве своем не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Особенно четко это проявляется в тех случаях, когда речь идет об иммигрантах иных конфессий, чем местное население. Они сами все чаще рассматривают себя как устойчивое этническое меньшинство, четко осознающее свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивать.

В некоторых из стран, ставших резервуаром для иммиграционных потоков, возникли целые анклавов, в которых вновь прибывшие начали составлять большинство населения. Тем самым, прежняя проблема адаптации и интеграции чужестранцев в соответствующее сложившееся общество превратилась в другую — проблему сосуществования коренного населения с вновь образовавшимся национально-цивилизационным меньшинством.

Разумеется, данная тенденция не единственная. Существует и иная, более традиционная, действующая по принципу «плавильного котла». Однако она со временем все заметнее отходит на второй план.

Сейчас в странах Западной Европы за пределами более или менее замкнутых анклавов живет менее трети иммигрантов. Их основная часть обычно остается в орбите воздействия сложившихся цивилизационных сообществ.

Сеть этих анклавов представляет собой своего рода систему городских деревень, которая, как свидетельствуют результаты многочисленных социологических изысканий,

затрудняет интеграцию в принимающее общество, способствуя консервации прежних традиций, обычаев, стереотипов и т. д. Она, чаще всего, не только не нейтрализует, но, напротив, стимулирует компоненты сепаратно-цивилизационного самосознания. В особенно жесткой форме это происходит в исламских общинах.

Воздействие этих общин на новых иммигрантов многообразно. Последние рассчитывают, прежде всего, на содействие в подыскании работы или на иные формы материальной поддержки. В ряде случаев эти расчеты оправдываются. Чаще всего речь идет о работе, типичной для иммигрантов, которая, в свою очередь, как бы замыкает новичков в сфере этнического и конфессионального окружения. Вместе с тем, иноцивилизационная община не ограничивается только этим. Она же является формой социального контроля, своего рода аналогом традиционной деревенской общины, где «все друг друга знают». Ее члены вынуждены (осознанно или подсознательно) считаться с этой социально-психологической зависимостью.

«Городские гетто», населенные иноцивилизационными меньшинствами, представляют собой постоянный источник напряженности, способный в любое время дать очередную вспышку. Их обитатели образуют сейчас наиболее предрасположенную к активному протесту категорию маргинального населения. Они не только сами противостоят традиционной политической культуре, но и соответственно воздействуют на другие социальные группы.

Пока массовые волнения обитателей подобных общин хотя и перестали быть чем-то беспрецедентным, но все же остаются спорадическим явлением. Тем временем, повседневный, устойчивый, а во многих случаях и масштабный характер стали приобретать общие социальные аномалии. Одна из них — повышенная криминогенность.

Все это, в свою очередь, не может не сказаться на настроениях автохтонного населения. Уже сейчас непосредственным результатом очередной иммиграционной волны стало явно

настороженное отношение многих коренных граждан к «чужакам». В ряде случаев оно перерастает в нетерпимость, проявляясь не только в быту, но и на общественном поле. Доля граждан, выражающих враждебность к иммигрантам, растет на глазах. Непосредственное следствие этого — повсеместное усиление позиций праворадикальных политических партий, взявших на вооружение постулаты этнонационализма.

Вернемся, однако, к положению в России. Большинство ее населения воспринимает свою страну как часть европейской цивилизации, однако существенно от нее отличающуюся по ряду параметров. Иначе говоря, в их глазах Россия — это Европа, но — другая Европа.

Русский этнос — стержень российской государственности — сложился и развивался на стыке различных цивилизационных влияний: духовного наследия Римской империи преимущественно в германизованном варианте, Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, и так называемого «поля» — культуры кочевых народов, с которыми русские княжества соседствовали веками. И не только воевали, как можно судить по былинным сказаниям, но и поддерживали устойчивые добрососедские отношения, нередко скрепленные родственными связями. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации наложило более чем двухсотлетнее пребывание значительной части русских княжеств в составе монголо-татарской Золотой Орды.

Цивилизационная специфика России была существенно обогащена неоднородностью той этнической базы, на которой сложились как сама русская нация, так и другие исконно проживающие на этой территории народы. Этнокультурная гетерогенность сформировала такие черты национального характера русского народа, как добрососедство, терпимость, способность к усвоению ценностей разных культур.

Немалую роль в становлении «русской цивилизации» сыграли суровые климатические условия и масштабы

пространства, на котором расселялись племена, образовавшие впоследствии русскую нацию. Северный климат земель, ставших постоянным местом их обитания, вынуждал вырабатывать такие нормы группового поведения, которые были необходимы для выживания в столь суровых условиях. Этим объясняется устойчивость общинных отношений и связанные с ними традиции коллективизма и артельности. Неосвоенность обширных пространств способствовала сравнительно безболезненному разрешению противоречий, возникавших в обществе, прежде всего вокруг права собственности на землю. Всегда существовала возможность для одной из сторон конфликта уйти на новые земли.

На протяжении столетий Россия находилась под гнетом иностранных захватчиков и собственных абсолютных властителей, пережила длительную полосу крепостных отношений. На основе этих данных возник миф о том, что Россия не имеет традиций самоуправления, а менталитету русского народа свойственны черты покорности и терпения, неприязнительности и неверия в свои силы, пассивности, которые цепко держат Россию в орбите авторитарной традиции, от чего давно избавилась европейская цивилизация.

Конечно, в российской истории были эпизоды и даже полосы жестокого подавления народа. Они не прошли бесследно, оставив следы в общественном сознании. Но в истории России были и другие события, которые вырабатывали в общественном сознании народа иные качества. Суровые условия существования не только способствовали, но нередко препятствовали доминированию авторитарных начал государственной власти. Уже на ранних этапах становления национальной идентичности русского народа получили развитие начала общинного самоуправления и социальной активности. Неоднократные попытки подавить и разрушить эти начала всегда наталкивались на ожесточенное сопротивление. На этой почве сформировались такие черты русского национального характера, как вольнолюбие, стремление к

самостоятельности в решениях и действиях, иронически-насмешливая реакция на поступающие сверху указания и законы, склонность к анархии. В русской ментальности черты авторитарной культуры причудливо переплелись с чертами демократической культуры. Толерантность и нетерпимость, покорность и бунтарство, повиновение и самодеятельность, пассивность и взлеты активности — эти, казалось бы, несовместимые свойства спрессованы исторической памятью народа в его сознании, определяя противоречивость русского национального характера.

Амбивалентность ментальности наглядно проявляется в оценке верховной власти. Преклонение перед нею сочетается с нигилизмом, с восприятием даже вполне легитимной власти как силы, противостоящей и даже враждебной индивиду и обществу.

Характерная цивилизационная особенность российской политической культуры — антиномичная противоречивость. Воздействие цивилизации, сложившейся в Западной Европе, на российское общество, возраставшее по мере модернизации России, в какой-то мере размывало эту российскую специфику. Однако происходило это в основном в верхних эшелонах социальной пирамиды. Верхи, в отличие от общества в целом, активно всасывали принятые там ценности, черты образа жизни, типы общения, моды. В результате, возник феномен «раздвоенности» российской культуры, который не только не устранил специфику «российской цивилизации», но еще в большей степени ее усилил. Эта цивилизационная специфика России — реальность, без учета которой невозможна последовательная стратегическая ориентация в современном мире.

Признание этой реальности обесмысливает вопрос о том, к какой цивилизации — западной или восточной — должна присоединиться Россия. Лишается смысла и конструирование искусственных цивилизационных гибридов вроде «евразийства» или «азиоевропейства». Однако при всей своей

специфике российское общество разделяет с европейской цивилизацией многие основополагающие ценности.

Не менее важно и то, что в условиях глобализации и связанных с нею масштабов и плотности контактов цивилизаций, резко возросшей опасности их силового столкновения, Россия, благодаря своей внутренней дуалистичности, может сыграть роль посредника в конструктивном диалоге цивилизаций и налаживании эффективного взаимодействия между ними.

В заключение — кратко об одном важном вопросе, затронутым в докладе. В нем содержится попытка установить прямую зависимость между цивилизационной спецификой и внешнеполитическими приоритетами. На это уже обратила внимание в вопросе, заданном докладчику, Л.И. Никовская. Представляется, что эта попытка не удалась и не могла удалиться. Дело в том, что такой связи не существует. Внешнеполитические приоритеты определяются множеством промежуточных факторов, среди которых цивилизационные предпочтения играют далеко не значительную роль.